

Договоры в семейном праве: новый взгляд на старую проблему

Сергей Константинович Соломин[✉],
Наталья Геннадьевна Соломина^{✉✉}

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакты для переписки: s.k.solomin@utmn.ru[✉], n.g.solomina@utmn.ru^{✉✉}

Аннотация. Учитывая превалирующее значение личных неимущественных отношений в предмете семейного права, считается, что большую часть семейно-правовых договоров составляют договоры неимущественного характера. Авторы статьи подвергают критическому анализу данный подход, доказывая, что возможность заключения семейно-правового договора, опосредующего личные неимущественные отношения, в принципе исключена. Методологическую основу исследования составили формально-логический метод и метод правового моделирования. Основные результаты: доказано, что любой семейно-правовой договор выступает частным случаем гражданско-правового договора; представлена система договоров в семейном праве с учетом того, что в основе формирования любого договора, входящего в эту систему, лежит имущественный интерес его сторон, выраженный в общей цели договора; установлено, что перечень семейно-правовых договоров является исчерпывающим: любой другой договор, который могут заключить между собой субъекты семейного права, а также договоры с их участием выпадают из системы семейно-правовых договоров, сохраняя при этом качество гражданско-правового договора.

Ключевые слова: семейно-правовой договор, личные неимущественные отношения, нематериальные блага, семейные правоотношения, организационный договор, обязательственный договор

Цитирование: Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2025. Договоры в семейном праве: новый взгляд на старую проблему // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 2 (42). С. 110–125. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-2-110-125>

Поступила 11.02.2025; одобрена 23.02.2025; принята 22.05.2025

Contracts in Family Law: a new look at an old problem

Sergei K. Solomin[✉], Natalia G. Solomina^{✉✉}

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: s.k.solomin@utmn.ru[✉], n.g.solomina@utmn.ru^{✉✉}

Abstract. Given the predominant importance of personal non-property relations in the subject matter of family law, it is commonly believed that the majority of family law contracts are of a non-proprietary nature. The authors of the article critically analyze this approach, arguing that the possibility of concluding a family law contract governing personal non-property relations is, in principle, excluded. The methodological basis of the study includes the formal-logical method and the method of legal modeling. Main results: it is proven that any family law contract constitutes a specific type of civil law contract; a system of contracts in family law is presented, taking into account that the formation of any contract within this system is based on the proprietary interest of the parties, expressed in the common purpose of the contract; it is established that the list of family law contracts is exhaustive: any other agreement that may be concluded between subjects of family law, as well as contracts involving them, fall outside the system of family law contracts while retaining the nature of a civil law contract.

Keywords: family law contract, personal non-property relations, intangible benefits, family legal relations, organizational contract, obligatory contract

Citation: Solomin, S. K., & Solomina, N. G. 2025. Contracts in Family Law: a new look at an old problem. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11(2), 110–125. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-2-110-125>

Received Feb. 11, 2025; Reviewed Feb. 23, 2025; Accepted May 22, 2025

Введение

В науке семейного права давно сформировался подход к построению системы семейно-правовых договоров, в основе которого лежит критерий предмета семейно-правового регулирования. Учитывая превалирующее значение личных неимущественных отношений в этом предмете, правоведа единодушны во мнении, что большую часть таких договоров составляют договоры неимущественного характера, что, в свою очередь, позволило наделить семейно-правовой договор совокупностью признаков, значительно отличающих его от гражданско-правового договора. Вместе с тем выделение личных неимущественных отношений в предмете семейного права обусловлено потребностью

предоставления правовой охраны целому комплексу нематериальных благ, принадлежащих членам семьи, что в принципе исключает постановку вопроса о возможности заключения договора, которым бы опосредовались личные неимущественные отношения.

Целью данной работы является переосмысление подхода к построению системы договоров в семейном праве. Для ее достижения необходимо было исследовать совокупность договоров в семейном праве посредством заведения последних в систему, позволяющую выявить закономерное и сущностное во взаимосвязи всех элементов такой системы; обозначить специфику каждого элемента сформированной системы.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучный диалектический метод познания, универсальные научные методы (системный, функциональный, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования), а также специальные юридические методы (формально-логический метод толкования права, метод правового моделирования), используемые как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Указанные методы позволили всесторонне провести анализ всей совокупности договоров в семейном праве.

Результаты исследования и их обсуждение

В конце 90-х гг. прошлого столетия в одном из учебников по семейному праву был оформлен тезис о том, что «с появлением брачных договоров и алиментных соглашений невозможно более избегать применения конструкции договора в семейном праве» [Антокольская, 1999, с. 93]. На сегодняшний день в отечественной цивилистической науке практически не оспаривается тот факт, что российское семейное право представлено весьма обширным перечнем договоров, которые уже много лет пытаются завести в определенную систему семейно-правовых договоров. При этом, как правило, не испытывают проблем с наполнением такой системы структурными элементами: опираясь на признак ключевого слова, а именно «договор», «соглашение», «согласие», из норм позитивного права выбираются правовые конструкции, описываемые в законе с использованием этих слов, а затем в зависимости от вида брачно-семейного правоотношения выстраивается система договоров с акцентом на те или иные специфические признаки, отражающие существо семейных отношений. Причем в некоторых случаях такие специфические признаки (называемые иногда «нетипичными») предлагают воспринимать в качестве основы для формирования особого вида договора, отличающегося от гражданско-правового договора.

Однако даже те исследователи, которые остаются на позиции восприятия договора в семейном праве в качестве гражданско-правового договора, признают наличие у него специфических признаков, порой вытесняющих действие некоторых общих норм о гражданско-правовом договоре. Так, А. П. Сергеев отмечает, что в семейном праве существуют как договоры, которые «совпадают во всех основных чертах и по форме с иными гражданско-правовыми договорами», так и договоры, которые, «будучи гражданско-правовыми по существу, не выражены в столь очевидной гражданско-правовой форме». К последним,

в частности, относятся заключение брака и соглашение об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей. При этом А. П. Сергеев предлагает универсальную формулу для определения случаев, в которых речь идет именно о договоре: «когда для решения того или иного семейно-правового вопроса (чаще всего семейно-правового спора) требуется согласованное волеизъявление двух или большего числа участников семейных отношений» [Гражданское право, 1999, с. 294].

В качестве специфических признаков, характерных лишь для некоторого числа семейно-правовых договоров, А. П. Сергеев называет следующие: (1) устремление к одной цели соглашения участников семейных отношений; (2) совершение договора в государственных органах, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния, и облечение его в форму актовой записи; (3) возникновение с помощью семейно-правовых договоров наряду с имущественными также личных неимущественных правоотношений. Последний признак позволил А. П. Сергееву прийти к выводу о том, что возникшие на основе таких договоров семейные правоотношения в большинстве своем не обладают стабильностью, характерной для гражданских правоотношений, что выражается в возможности аннулирования любого соглашения по поводу осуществления личных неимущественных прав в силу одностороннего усмотрения участника семейного правоотношения, либо в силу изменившихся обстоятельств [Гражданское право, 1999, с. 295–296].

Выявленные А. П. Сергеевым особенности семейно-правового договора (которыми он наделил лишь часть семейно-правовых договоров) восприняты некоторыми исследователями в том смысле, что классическая школа гражданского права, представленная взглядами А. П. Сергеева, безоговорочно признает существенную специфику всех семейно-правовых договоров. К такому выводу, в частности, пришла Н. Н. Тарусина, развившая учение о семейно-правовом договоре как «относительно суверенной разновидности конструкции цивилистического договора» и оформившая сущностные признаки такого договора: (1) цель семейно-правового договора не имеет аналогов в гражданском праве (создание супружеской семейной общности; воспитание и совоспитание добропорядочного члена общества; безвозмездная поддержка нуждающегося члена семьи; справедливый раздел имущества; построение разумного, обеспечивающего интересы семьи имущественного режима в браке); (2) специфичность субъектного состава (жених и невеста, супруги, родители, дети, близкие и иные родственники, свойственники, усыновители, попечители, фактические воспитатели, суррогатная мать, генетические родители); (3) влияние на судьбу семейно-правового договора этических и иных социальных характеристик личности его участников; (4) значительное ограничение действия принципа свободы договора в выборе контрагента, вида и содержания соглашения в силу сложного взаимодействия публичных и частных начал, энергичного воздействия общественного и государственного интереса в стабильности и охране семьи и особой охране прав и интересов ребенка; (5) семейно-правовые договоры не являются самостоятельными юридическими фактами; (6) крайне ограниченное применение в субсидиарном порядке и по аналогии к семейным отношениям гражданского законодательства; (7) специфичность расторжения семейно-правового договора, что,

в частности, никогда не выполняет функции защиты нарушенных прав его участника; (8) сложности в решении вопросов ответственности за нарушение семейно-правовых договорных обязательств [Тарусина, 2016, с. 75–77; Тарусина и др., 2017, с. 68–71].

Выявленные Н. Н. Тарусиной признаки, наверное, могли бы восприниматься в качестве достаточных для признания семейно-правового договора качественно иной цивилистической договорной конструкцией отличной от гражданско-правового договора¹, если бы не одно «но»: оформлению указанных признаков сопутствовало использование Н. Н. Тарусиной оговорок типа «как правило», «возможно», «практически никогда», «кроме». Иначе говоря, все перечисленные Н. Н. Тарусиной признаки использовались ей для характеристики лишь отдельных, а не всех договорных конструкций в семейном праве. Да и содержание этих признаков, на наш взгляд, не является таким уж «нетипичным» для гражданско-правовых договоров. Более того, некоторые из таких признаков (в частности, цель заключения семейно-правового договора) и вовсе не обладают правовым наполнением, а потому не способны к нормативной регламентации.

Сегодня трудно найти научную работу, содержание которой бы разительно отличалось от обозначенных выше подходов к восприятию специфики семейно-правовых договоров и их системы². Некоторые из таких работ (прежде всего транслирующих идею об отраслевой самостоятельности семейного права), к сожалению, характеризуются еще и ошибками методологического характера. Так, например, Е. П. Титаренко, ссылаясь на широкое использование в действующем законодательстве терминов «согласие», «соглашение» и «договор», предлагает подвергнуть сравнительной характеристике слова, используемые в Семейном кодексе РФ [Титаренко, 2024, с. 20]³ (а не правовые понятия, обозначенные соответствующими терминами, как того требует любое правовое исследование). Так, смысловое значение термина «согласие» в отечественном праве Е. П. Титаренко устанавливает, руководствуясь толковым словарем С. И. Ожегова, и определяет особенности использования этого термина законодателем в сочетании с прилагательными «взаимный» и «обоюдный» [Титаренко, 2024, с. 22, 28]. В итоге она заявляет: «Вышеизложенное дает основание утверждать об излишнем усилении семейно-правовой конструкции „согласие“ прилагательным „взаимное“» [Титаренко, 2024, с. 31].

Для нас очевидно, что в юриспруденции не существует такого метода научного познания явлений и процессов правовой действительности, который использует Е. П. Титаренко. Но именно данный ошибочный подход к познанию правовых явлений позволил Е. П. Титаренко прийти к выводу о том, что термин «согласие» в семейном праве яв-

¹ Обозначенный перечень признаков (в том или ином объеме) воспроизводится в работах последних лет. См., напр.: [Минина и др., 2020, с. 10–12].

² За исключением одного момента: только у А. П. Сергеева и Н. Н. Тарусиной можно обнаружить среди элементов системы семейно-правовых договоров такой элемент, как заключение брака, договорную природу которого в свое время обосновала М. В. Антокольская [Антокольская, 1999, с. 108].

³ Аналогичный подход к исследованию правовых понятий демонстрируют и некоторые другие правоведы. См., напр.: [Звенигородская, 2011, с. 13–16].

ляется обобщающим по отношению к терминам «взаимное согласие», «соглашение» и «договор» [Титаренко, 2024, с. 42]. А ведь, как известно, изучение правового термина, представляющего собой лишь слово или словосочетание, не составляет проблему права. Правоведа-ученого интересует научное юридическое понятие как «мысль, отражающая основные, важнейшие признаки правового явления или отношения, существующего между рядом явлений» [Васильев, 1976, с. 87], а не лексическое значение используемых в законе терминов, которое поставила во главу угла своего исследования Е. П. Титаренко. Отсюда и сомнения относительно достоверности проведенного ею исследования, затрагивающего в том числе и сущностные признаки договоров в семейном праве. В этом смысле справедливо замечание Н. Н. Тарусиной о том, что юриспруденция не сводится к филологии [Тарусина и др., 2017, с. 18], которое, в свою очередь, она подкрепила высказыванием О. С. Иоффе: «... Если бы содержание специального научного понятия было тождественно его словесному обозначению, семантика превратилась бы во всеобщее и исключительное средоточие человеческих знаний» [Иоффе, 1974, с. 108].

Не менее противоречивой (прежде всего с методологической точки зрения) выглядит и позиция С. С. Шевчук. В обоснование особых свойств семейно-правового договора, исключающих возможность его признания в качестве гражданско-правового договора, она использует формулировки труднопонидаемые не только с позиции цивилистического учения о договоре, но и с точки зрения общего учения о юридических фактах и права в целом. В частности, С. С. Шевчук выдвигает предположение о том, что договоры в семейном праве носят вспомогательный характер по отношению к правовым нормам и «роль таких соглашений сводится к детализации семейно-правовых норм» [Шевчук, 2021, с. 79; Шевчук и др., 2022, с. 13]. Между тем такое сопоставление договора и правовой нормы в принципе недопустимо. Это становится очевидным, если используемое С. С. Шевчук слово «детализация» заменить на более понятные для юриста синонимичные термины — «толкование» или «разъяснение». В дальнейших своих рассуждениях С. С. Шевчук смешивает понятия «договор» и «общественное отношение», говоря о том, что «семейно-правовой договор представляет собой правовую модель конкретного общественного отношения», «для его заключения между сторонами должно быть достигнуто соглашение об установлении выражающих их интерес взаимных прав и обязанностей» [Шевчук, 2021, с. 79; Шевчук и др., 2022, с. 14]. Приведенное достаточно сравнить с нормой абз. 1 п. 1 ст. 432 ГК РФ с тем, чтобы убедиться в противоречивости позиции С. С. Шевчук, поскольку соглашение достигается по всем существенным условиям договора, а взаимные права и обязанности, о которых ведет речь С. С. Шевчук, составляют содержание возникших из договора правоотношений.

В некоторых работах, посвященных договорам в семейном праве, ошибочно интерпретируется регулятивная функция договора. Создается впечатление, что некоторые специалисты в области семейного права возвели семейно-правовой договор до уровня источника права, позабыв о том, что ни договор, ни его условия не могут восприниматься в качестве норм права. Так, одни исследователи указывают на то, что предметом регулирования семейно-правового договора могут быть имущественные и неимущественные права и обязанности [Князева, 2014, с. 105.]. Другие предпринимают попытку классификации

договоров в семейном праве в зависимости от характера регулируемых ими отношений [Чашкова, 2004, с. 8; Хурцилава, 2014, с. 367]. Причина такого восприятия роли договора в праве отчасти кроется в исследовательской практике прошлых лет, когда отдельным научным идеям, являющимся, на наш взгляд, недоверенными, юридическим сообществом был дан «зеленый свет», и сейчас эти идеи воспринимаются в качестве доктринальных цивилистических концепций. Речь, в частности, идет о восприятии договорного регулирования в качестве вида правового регулирования [Казанцев, 2008; Корецкий, 2007].

При выстраивании собственной позиции относительно семейно-правового договора и системы таких договоров нам хотелось бы обратить внимание на два недостатка догматического характера.

Первый недостаток касается того, что систему договоров в семейном праве пытаются выстраивать в зависимости от предмета семейно-правового (гражданско-правового) регулирования. Так, А. П. Сергеев отмечает, что в семейном праве с помощью договоров наряду с имущественными правоотношениями возникают также личные неимущественные правоотношения [Гражданское право, 1999, с. 296]. Это дало повод некоторым исследователям выделить три вида договоров в семейном праве [Чашкова, 2004, с. 8; Тарусина и др., 2017, с. 71]: (1) договоры имущественного характера между участниками семейных отношений (имущественные договоры), (2) договоры неимущественного характера между участниками семейных отношений (лично-правовые договоры) и (3) договоры смешанного характера (смешанные договоры). При этом, как указывает Н. В. Летова, большинство соглашений, заключаемых между членами семьи, относятся по своей природе к личным неимущественным, поскольку личные неимущественные отношения преобладают в сфере семейного права, что обусловлено социальным назначением его норм [Летова, 2016, с. 134]. Таким образом, правоведами даже не ставится под сомнение существование в семейном праве неимущественных договоров [Король, 2015, с. 73–77; Вихарев, 2017, с. 144–152; Александров, 2018, с. 10–19; Чефранова, 2021, с. 48–54].

Не вникая в суть указанных видов семейно-правовых договоров, зададимся вопросом: насколько обоснованно проводить параллель между отношениями, составляющими предмет правового регулирования, и договорами? Неужели все отношения, составляющие предмет семейного права (в том числе и личные неимущественные отношения), способны опосредоваться заключением договора? И здесь мы упираемся, прежде всего, в дискуссию о допустимости отраслевой обособленности семейного права, которая, как нам представляется, уже давно себя исчерпала. Предлагаемые в цивилистической науке отличительные характеристики семейного права от права гражданского касаются неких особых свойств имущественных и личных неимущественных отношений в семейном праве, которые на самом деле не выходят за качественные свойства всех тех отношений, которые составляют предмет гражданско-правового регулирования. В этом смысле семейно-правовые отношения не более специфичны, чем отношения, которые составляют предмет регулирования таких подотраслей гражданского права, как наследственное право и право интеллектуальной собственности.

Не является поводом для отграничения семейного права от гражданского права и выделяемая некоторыми правоведами специфика метода правового регулирования се-

мейных отношений. Речь идет о ситуационности как одной из характеристик, присущих семейно-правовому методу регулирования, содержание которой объясняется наличием в семейном праве большого числа ситуационных норм (относительно определенных норм) [Косова, 2016, с. 74]. В таких нормах, как отмечает О. Ю. Косова, «законодатель не всегда стремится исчерпывающим образом охарактеризовать складывающиеся ситуации, такие, например, как непродолжительность нахождения в браке, недостойное поведение в семье, нуждаемость, жестокое отношение к детям»; полное смысловое наполнение таких ситуаций «обычно происходит в правоприменительной практике благодаря правосознанию правоприменителя и разработанных доктриной подходов» [Косова, 2016, с. 74]. Иными словами, О. Ю. Косова говорит об оценочных понятиях и роли правоприменителя в установлении содержания таких понятий при оценке обстоятельств в рамках того или иного возникшего спора. И здесь становится понятным, что если учитывать всё многообразие относительно определенных норм гражданского права, то «ситуационность» выступает вполне ординарным свойством, но только не метода правового регулирования (на чем настаивают специалисты семейного права), а механизма правового регулирования отношений, составляющих предмет гражданского права. Чего стоит, например, оценка судом обстоятельств при рассмотрении дел, связанных с компенсацией морального вреда гражданину или возмещением причиненного вреда личности, а равно имуществу физических и юридических лиц: правовые институты компенсации морального вреда и возмещения имущественного вреда представлены весьма широким спектром относительно определенных норм. Немало относительно определенных норм встречается и в иных институтах гражданского права. А уж такие оценочные понятия, как «недобросовестное поведение», «разумный срок», «явно выраженное согласие», «явно обременительные условия», «явное неравенство переговорных возможностей», вообще неизвестны семейному праву, поскольку характеризуют содержание относительно определенных норм Гражданского кодекса РФ.

Возвращаясь к вопросу о возможности заключения семейно-правового договора, опосредующего личные неимущественные отношения, заметим, что такая возможность в принципе исключена, а соответственно, договоров под названием «договор неимущественного характера» или «лично-правовой договор» не существует. Причина нашего отрицания факта существования таких договоров кроется в том, что личные неимущественные правоотношения в гражданском праве (в том числе и семейном) выполняют лишь одну функцию — охранительную. Такие правоотношения обеспечивают возможность защиты обладателя личного (нематериального) блага от нарушения принадлежащего ему личного неимущественного права, неразрывно связанного с этим личным благом. Любое из таких правоотношений по своей природе является абсолютным, а его содержание составляют личное неимущественное право обладателя нематериального блага и противостоящие этому праву обязанности неопределенного круга лиц воздерживаться от посягательств на соответствующее нематериальное благо [Соломин, Соломина, 2024, с. 266]. При этом само по себе нематериальное благо отдельно от того личного права, которое возникает по поводу него, не поддается восприятию с точки зрения гражданского права, поскольку у такого блага нет и не может быть правового

режима: личные блага закон полностью вывел из гражданского оборота, наделив их признаками неотчуждаемости и непередаваемости, что исключает возможность заключения любых договоров в отношении таких благ [Соломин, Соломина, 2024, с. 266]. Некоторые из таких личных (нематериальных) благ, характерные для семейного права, непосредственно закреплены в п. 1 ст. 150 ГК РФ (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, семейная тайна, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина). Наличие других личных благ можно вывести из положений Семейного кодекса РФ. Например, в п. 1 ст. 1 СК РФ закреплены такие личные блага, как семья, материнство, отцовство и детство. А из содержания п. 1 ст. 31 СК РФ выводятся такие личные блага, как свобода выбора рода занятий и профессии (п. 1 ст. 31 СК РФ). Учитывая, что перечень личных благ не является исчерпывающим, ряд таких благ, характерных для семейного права, можно вывести из смысла соответствующих норм Семейного кодекса РФ или их системного анализа, например, крепкая семья, родственные связи, семейное благополучие, привязанность и т. д.

Охранительная функция личных неимущественных правоотношений срабатывает таким образом, что в случае посягательства на то или иное нематериальное благо, принадлежащее члену семьи, последний вправе требовать защиты нарушенного личного неимущественного права. Например, изъятие ребенка из семьи на основании акта органа опеки и попечительства может рассматриваться в качестве нарушения личного неимущественного права в результате посягательства на крепкую семью как нематериальное благо, если вынесение данного административного акта не имело под собой правовых оснований. Последствием такого нарушения станут требования родителей об отмене такого акта, возврате ребенка в семью и компенсации морального вреда.

Учитывая изложенное, следует признать, что в семейном праве в принципе исключена возможность существования какого-либо договора, заключением которого бы опосредовались личные неимущественные отношения.

Второй недостаток, характеризующий современное состояние учений о системе семейно-правовых договоров, весьма наглядно проявляется в диссертационной работе С. Ю. Чашковой, в которой все правоотношения, возникающие из семейно-правовых договоров, подведены под правовую конструкцию «обязательство» даже при том, что в большинстве из выделенных С. Ю. Чашковой обязательств нет ни должника, ни кредитора, а их объект не связан с активным поведением обязанного лица по передаче имущества, выполнению работ или оказанию услуг. В частности, речь идет о выделенной С. Ю. Чашковой группе договоров об осуществлении родительских прав [Чашкова, 2004, с. 8].

Подход С. Ю. Чашковой можно было бы объяснить наличием в гражданском праве обязательств с неимущественным содержанием (обязательств неимущественного характера). Однако дискуссия о допустимости существования таких обязательств [Новицкий, Лунц, 1950, с. 52–60; Агарков, 2012, с. 106] уже давно себя исчерпала, что связано прежде всего с формированием во второй половине прошлого столетия цивилистического учения об организационных правоотношениях. Сегодня при определении существа гражданско-правового обязательства мы должны руководствоваться исключительно дог-

матическим подходом, нашедшим отражение в норме п. 1 ст. 307 ГК РФ, что позволяет усомниться в достоверности проведенного С. Ю. Чашковой исследования.

Вообще формирование любой договорной конструкции в гражданском (в том числе и семейном) праве обеспечено прежде всего существом отношений, составляющих предмет гражданско-правового (семейно-правового) регулирования. И когда в нормах права получает объективизацию конкретный договор, это означает, что таковой характеризуется конкретной целью и набором конститутивных признаков, позволяющих определить место этого договора в системе гражданско-правовых (семейно-правовых) договоров. Иначе говоря, построить ту или иную систему договоров невозможно посредством применения поисковой системы, когда исследователь запрашивает все нормы (в нашем случае) Семейного кодекса РФ, в которых встречаются слова «согласие», «соглашение» и «договор». А ведь в большинстве случаев именно так и поступают, когда к брачному договору, соглашению об уплате алиментов и соглашению о разделе имущества добавляют всё новые и новые договорные конструкции, выведенные из тех норм Семейного кодекса РФ, по содержанию которых законодатель использовал эти слова. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при описании созданной системы семейно-правовых договоров стали выделять признаки отдельных элементов этой системы, которые оказались нетипичными для гражданско-правовых договоров: здесь и указание на то, что семейно-правовой договор не является самостоятельным юридическим фактом, а его исполнение невозможно обеспечить охранительным инструментарием, характерным для договоров в гражданском праве; и оговорка о том, что при возникновении дефектов в динамике обязательств, возникших из семейно-правовых договоров, как правило, нельзя требовать их исполнения в натуре, а сами такие договоры не характеризуются стабильностью, поскольку основания их прекращения противоречат общей логике прекращения договоров в гражданском праве; и указание на то, что при нарушении семейно-правового договора потерпевшая сторона, как правило, обращается в компетентные органы с требованием, которое не связано с нарушением договора. Однако в таком случае возникает вопрос: если особенности большинства семейно-правовых договоров противоречат сущности цивилистической конструкции договора, то, может быть, эти договоры в действительности таковыми и не являются?

Для ответа на поставленный вопрос предлагаем обратиться к одной из существующих в цивилистической доктрине классификаций договоров, в основе которой лежит критерий правоотношения, отвечающего за квалификацию договора. Использование данного критерия позволяет большинство договоров развести по двум группам: обязательственные и организационные договоры. Из данной классификации выпадают лишь так называемые распорядительные договоры (в том числе вещные договоры), то есть договоры, которые не характеризуются динамикой: в момент их совершения устанавливается факт распоряжения существующим правом, переходящим от одного лица к другому в порядке сингулярного правопреемства [Соломин, Соломина, 2021, с. 76]. Но есть нечто, что объединяет все обозначенные группы договоров. Дело в том, что любой гражданско-правовой договор является имущественным, поскольку в основе его заключения лежит имущественный интерес сторон, который, в свою очередь, находит выражение в общей цели договора [Со-

ломин, Соломина, 2021, с. 73]. Эта простая и в тоже время понятная формула позволяет определить, какие из предлагаемых на страницах юридической литературы семейно-правовых договоров в принципе таковыми не являются, а какие, напротив, занимают свое самостоятельное место в системе семейно-правовых договоров.

Заключение

Итак, выделим типы семейно-правовых договоров, выступающие элементами этой системы.

Соглашение об уплате алиментов. Такое соглашение порождает обязательство по предоставлению материального содержания, что позволяет отнести его к группе обязательственных договоров. Целью данного договора выступает предоставление материального содержания, в результате которого удовлетворяется имущественный интерес конкретного лица, которое, как правило, закон описывает формулировкой «нуждающегося в помощи». В свою очередь, данный договорный тип представлен следующими видами: (1) соглашение об уплате алиментов в пользу несовершеннолетних детей; (2) соглашение об уплате алиментов в пользу нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи; (3) соглашение об уплате алиментов в пользу нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей; (4) соглашение об уплате алиментов в пользу одного из супругов (бывших супругов); (5) соглашение об уплате алиментов в пользу других нуждающихся в помощи членов семьи. Содержание первых трех видов соглашений об уплате алиментов может включать условие о несении дополнительных расходов либо в принципе может быть сведено к одному этому условию. Соглашение об уплате алиментов может содержать условия организационного характера, а также условия, характерные для распорядительного договора. Более того, содержание данного соглашения может быть сведено к распоряжению существующим правом, а значит, оно приобретет свойства распорядительного договора (например, если имущественное предоставление по соглашению об уплате алиментов сводится исключительно к уступке права требования).

Договор о разделе имущества и/или об определении долей в общем имуществе. Этот договор относится к группе распорядительных договоров. Целью данного договора выступает перераспределение общего имущества между супругами с тем, чтобы в результате такого перераспределения был удовлетворен имущественный интерес каждого из супругов (оставление за супругом конкретного имущества и/или закрепление за ним определенной доли в праве на имущество). В содержание данного договора могут быть включены условия обязательственного характера. Речь, в частности, идет о ситуации, когда распределение имущества сопряжено с возникновением обязательства компенсационного характера, по которому один супруг (бывший супруг), ставший собственником конкретного имущества (например, квартиры, находящейся в совместной собственности супругов), обязуется компенсировать стоимость перешедшей к нему доли в праве собственности на это имущество другому супругу (бывшему супругу).

Все остальные договоры в семейном праве относятся к группе организационных договоров. Речь идет о следующих договорных типах.

Брак. Целью брака как гражданско-правового договора выступает установление организационной правовой связи, позволяющей удовлетворить имущественный интерес супругов в формировании их общего имущества. Этот договор призван обеспечить, в первую очередь, нормальную динамику вещных правоотношений, модификация которых произошла в момент регистрации брака (правовой режим индивидуальной собственности перешел в режим общей собственности супругов). При этом брак порождает лишь одно организационное правоотношение, содержание которого составляют взаимные права и обязанности супругов.

Брачный договор. Этот договор затрагивает лишь те элементы организационного правоотношения, возникающие из брака, которые относятся к числу имущественных. Это позволяет определить цель брачного договора: он направлен на оптимизацию имущественной правовой связи, возникшей из брака (иначе говоря, на изменение условий имущественного характера, которые относились к содержанию брака как договору), и обеспечение нормального развития прежде всего вещных правоотношений. Динамика такого договора позволяет удовлетворить имущественный интерес каждого супруга в его материальном обогащении. При этом в содержание брачного договора могут включаться условия как обязательственного, так и распорядительного характера. В частности, договор может предусматривать условия о материальном содержании, которое порождает соответствующее обязательство по выплате содержания одним супругом другому, а также включать условие о разделе имущества на случай прекращения брака, которое является по своей правовой природе распорядительным.

Соглашение об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей. Несмотря на то, что этим договором непосредственно не решаются вопросы имущественного характера (поскольку его целью выступает определение места жительства ребенка), однако достижение этой цели характеризуется значительным имущественным эффектом: заключением данного договора родители упорядочивают организационные моменты, связанные с содержанием ребенка (в частности, на кого из родителей будет возложена алиментная обязанность, что предполагает в последующем заключение соглашения об уплате алиментов). Это означает, что соглашение об определении места жительства ребенка не является самодостаточным. Совершение этого договора предполагает дальнейшие действия родителей (в частности, заключение соглашения об уплате алиментов), что позволяет в итоге удовлетворить имущественный интерес ребенка в получении материального содержания.

Соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Заключением такого соглашения устанавливается соответствующее организационное правоотношение, развитие которого непосредственно связано с удовлетворением имущественного интереса ребенка в получении содержания от того родителя, который проживает отдельно от него, в том числе посредством заключения соглашения об уплате алиментов.

Договор об осуществлении опеки (попечительства). Заключение данного договора направлено на установление организационной правовой связи, назначение которой закон прежде всего связывает с обеспечением реализации всего комплекса прав и за-

конных интересов ребенка. При этом некоторая совокупность таких прав носит имущественный характер, а их реализация в рамках динамики договора об осуществлении опеки и попечительства позволяет удовлетворить имущественный интерес ребенка в получении содержания и иных предоставлений имущественного характера (алименты, пенсия, пособия и другие социальные выплаты). Обозначенные особенности договора об осуществлении опеки и попечительства распространяются также на договор о приемной семье и договор о патронатной семье, выступающие специфическими его видами. Причем к договору о приемной семье законодатель допускает субсидиарное применение правил о возмездном оказании услуг (абз. 2 п. 2 ст. 152 СК РФ), что доказывает проявление элементов имущественного характера в этом договоре, а значит и наличие соответствующего имущественного интереса у его сторон.

Обозначенный перечень семейно-правовых договоров является исчерпывающим. Любой другой договор, который могут заключить между собой субъекты семейного права, а также договоры с их участием выпадают из системы семейно-правовых договоров, сохраняя при этом качество гражданско-правового договора. Это, в частности, касается договора о суррогатном материнстве, который, не имея отношения к семейному праву, тем не менее порождает правовые последствия семейно-правового характера (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Что касается иных действий, поименованных в Семейном кодексе РФ и предлагаемых некоторыми правоведами к восприятию в качестве семейно-правовых договоров, то они таковыми не являются. Речь, в частности, идет о соглашении об имени ребенка, соглашении о фамилии ребенка, соглашении супругов-усыновителей о фамилии усыновленного ребенка. Первые два «соглашения» выступают примером фактических действий родителей, посредством которых обеспечивается формирование полноценных субъективных прав ребенка на имя и фамилию. Эти субъективные права являются по своей правовой природе личными неимущественными правами, а их объекты (имя и фамилия) относятся к числу нематериальных благ, отражающих социальную сущность человека. Таким образом, наделяя ребенка именем и фамилией, родители исполняют единую родительскую обязанность социального назначения. Именно поэтому закон никак не формализует сам процесс выбора имени (фамилии). Однако закон реагирует на неисполнение этой обязанности, устанавливая, что возникшие между родителями разногласия относительно имени и/или фамилии ребенка разрешаются органом опеки и попечительства. В этом выражается охранительная функция абсолютного правоотношения, содержанием которого выступает субъективное право ребенка на имя (фамилию) и обязанности неопределенного круга лиц (в том числе и родителей) воздержаться от посягательства на имя и фамилию как личные блага. Любую задержку со стороны родителей по поводу наделения ребенка именем и фамилией, в том числе недостижение соглашения по поводу имени и фамилии, следует воспринимать в качестве посягательства на соответствующее личное (нематериальное) благо ребенка. Что касается соглашения супругов-усыновителей о фамилии усыновленного ребенка, то оно также выступает примером фактического действия. При этом недостижение этого соглашения приводит лишь к одному последствию: за ребенком остается его прежняя фамилия.

Список источников

- Агарков М. М. 2012. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут. 428 с.
- Александров И. Ф. 2018. Договорные отношения в семейном праве // Академия права и экономики. № 1 (5). С. 10–19.
- Антокольская М. В. 1999. Семейное право: учебник. М.: Юристъ. 336 с.
- Васильев А. М. 1976. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература. 264 с.
- Вихарев А. А. 2017. Договор как инструмент регулирования семейных отношений // Российский юридический журнал. № 3 (114). С. 144–152.
- Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1999. 624 с.
- Звенигородская Н. Ф. 2011. Договор, соглашение, согласие в семейном праве: проблема терминологии и соотношения // Мировой судья. № 6. С. 13–16.
- Иоффе О. С. 1974. Что такое ответственность? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 5. С. 108–112.
- Казанцев М. Ф. 2008. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 44 с.
- Князева Е. В. 2014. Семейно-правовой и гражданско-правовой договоры: сравнительная характеристика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. № 2. С. 102–106.
- Корецкий А. Д. 2007. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону. 59 с.
- Король И. Г. 2015. Неимущественные договоры и соглашения в семейном праве // Российское правосудие. № 11 (115). С. 73–77.
- Косова О. Ю. 2016. Семейное право: учебник. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 559 с.
- Летова Н. В. 2016. Особенности регулирования сделок в сфере семейных отношений // Труды института государства и права Российской академии наук. № 6. С. 134–149.
- Минина А. А., Перепада О. А., Абраменко Г. И. и др. 2020. Соглашения в семейном праве как сфера реализации интересов ребенка: монография. Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула». 102 с.
- Новицкий И. Б., Лунц Л. А. 1950. Общее учение об обязательствах. М.: Госюриздат. 416 с.
- Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2021. Систематизация гражданско-правовых договоров: монография. М.: Юстицинформ. 152 с.
- Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2024. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда // Вестник Томского государственного университета. № 503. С. 265–273.
- Тарусина Н. Н. 2016. Семейно-правовой договор: общая «феноменология духа» // Юридическая наука. № 2. С. 73–78.
- Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. 2017. Социальные договоры в праве: монография. М.: Проспект. 480 с.

- Титаренко Е. П. 2024. Соглашение в системе осуществления семейных прав и/или исполнения семейных обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь. 229 с.
- Хурцилава Л. А. 2014. Классификация договоров в семейном праве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. № 2. С. 361–369.
- Чашкова С. Ю. 2004. Система договорных обязательств в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 28 с.
- Чефранова Е. А. 2021. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. № 7. С. 48–54.
- Шевчук С. С. 2021. Об отдельных проблемах правовой квалификации семейно-правового договора // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. № 4 (53). С. 77–82.
- Шевчук С. С., Зыбина О. С., Толстова А. Е. 2022. Система семейно-правовых договоров: монография. СПб.: АНО ВО «СЮА». 212 с.

References

- Agarkov, M. M. (2012). Selected works on civil law: Vol. 1. The social value of private law and general provisions of civil law. Statut. [In Russian]
- Alexandrov, I. F. (2018). Contractual relations in family law. *Academy of Law and Economics*, 1(5), 10–19. [In Russian]
- Antokolskaya, M. V. (1999). Family law: Textbook. Yurist. [In Russian]
- Vasiliev, A. M. (1976). Legal categories: Methodological aspects of developing a system of legal theory categories. *Yuridicheskaya Literatura*. [In Russian]
- Vikharev, A. A. (2017). Contract as a tool for regulating family relations. *Russian Juridical Journal*, 3(114), 144–152. [In Russian]
- Sergeev, A. P., & Tolstoy, Y. K. (Eds.). (1999). Civil law: Textbook (Vol. 3). Prospekt. [In Russian]
- Zvenigorodskaya, N. F. (2011). Contract, agreement, and consent in family law: Terminology and correlation issues. *Magistrate Judge*, 6, 13–16. [In Russian]
- Ioffe, O. S. (1974). What is liability? Proceedings of Higher Educational Institutions. *Jurisprudence*, 5, 108–112. [In Russian]
- Kazantsev, M. F. (2008). The concept of civil law contractual regulation [Doctoral dissertation abstract]. Yekaterinburg. [In Russian]
- Knyazeva, E. V. (2014). Family law and civil law contracts: A comparative analysis. *Herald of Tver State University. Series: Law*, 2, 102–106. [In Russian]
- Koretsky, A. D. (2007). Theory of contractual regulation of civil law relations [Doctoral dissertation abstract]. Rostov-on-Don. [In Russian]
- Korol, I. G. (2015). Non-property contracts and agreements in family law. *Russian Justice*, 11(115), 73–77. [In Russian]
- Kosova, O. Y. (2016). Family law: Textbook. Irkutsk Law Institute. [In Russian]
- Letova, N. V. (2016). Regulation of transactions in family relations. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 6, 134–149. [In Russian]
- Minina, A. A., Perepadya, O. A., Abramenko, G. I., et al. (2020). *Agreements in family law as a sphere for protecting a child's interests*. Fabula. [In Russian]

- Novitsky, I. B., & Lunts, L. A. (1950). *General doctrine of obligations*. Gosyurizdat. [In Russian]
- Solomin, S. K., & Solomina, N. G. (2021). *Systematization of civil law contracts*. Yustitsinform. [In Russian]
- Solomin, S. K., & Solomina, N. G. (2024). Intangible benefits in the legal mechanism of moral damages compensation. *Tomsk State University Journal*, 503, 265–273. [In Russian]
- Tarusina, N. N. (2016). Family law contract: General “phenomenology of spirit.” *Legal Science*, 2, 73–78. [In Russian]
- Tarusina, N. N., Lushnikov, A. M., & Lushnikova, M. V. (2017). Social contracts in law. Prospekt. [In Russian]
- Titarenko, E. P. (2024). *Agreements in the system of exercising family rights and/or fulfilling family obligations* [Candidate dissertation]. Tver. [In Russian]
- Khurtsilava, L. A. (2014). Classification of contracts in family law. *Herald of Tver State University. Series: Law*, 2, 361–369. [In Russian]
- Chashkova, S. Y. (2004). *System of contractual obligations in Russian family law* [Candidate dissertation abstract]. Moscow. [In Russian]
- Chefranova, E. A. (2021). Unnamed contracts as a basis for regulating family relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 7, 48–54. [In Russian]
- Shevchuk, S. S. (2021). Selected issues of legal qualification of family law contracts. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 4(53), 77–82.
- Shevchuk, S. S., Zyбина, O. S., & Tolstova, A. E. (2022). *System of family law contracts*. ANO VO “SYuA”. [In Russian]

Информация об авторах

Сергей Константинович Соломин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
s.k.solomin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5825-1609>

Наталья Геннадьевна Соломина, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.g.solomina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>

Information about the authors

Sergei K. Solomin, Dr. Sci. (Jur.), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia
s.k.solomin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5825-1609>

Natalia G. Solomina, Dr. Sci. (Jur.), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.g.solomina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>